

ЭТАЛОН ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА

Посвящается Корин.
Посвящается Кайлу.
Посвящается вам.

Книга первая

I

*Уиллингтон, США,
Восточное побережье*

«Мне бы хотелось вернуться в тот самый миг, когда сплетаются судьбы», — говорила мать Кайла, выходя из ванной комнаты в темных солнцезащитных очках. Он не понимал. Ничего удивительного, ему было пять лет. Разве в пять лет понимаешь такие вещи? Разве в пять лет удивляешься тому, что твоя мама носит в доме солнцезащитные очки? Разве в пять лет ты ей не веришь, когда она уверяет тебя, что у нее просто болят глаза или она ушиблась?

Как и все дети его возраста, Кайл считал ее красавицей. Ему нравилось быть рядом с ней. Он играл в свои машинки, время от времени поднимая на нее глаза. Иногда она негромко напевала... В другие дни она надевала эти проклятые солнцезащитные очки.

— Все хорошо, мамочка?

— Занимайся своими машинками, Кайл, пожалуйста.

Ее голос звучал мрачно, и Кайл понимал, что маме нужна тишина. Он замолкал, чтобы доставить ей удовольствие. Он ждал, когда ей станет лучше. Когда она выйдет из ванной без солнцезащитных очков. Когда она сядет за

фортепьяно и ее пальцы, такие длинные и тонкие, быстро забегали по клавишам. Кайл спрашивал себя, как ей удастся играть так быстро и не ошибаться. Порой она закрывала глаза или смотрела прямо перед собой, в какую-то неведомую даль. «Возможно, туда, куда вводила ее музыка». Он бесшумно подбирался совсем близко к ней, изо всех сил старался не помешать. О нет! Когда мама играла так легко, ему хотелось, чтобы это продолжалось вечно. Музыка выходила из нее и входила в него. Они становились единым целым, и их мир был прекрасен. Кайл дожидался момента, когда ее руки опустятся на колени, чтобы подойти и сесть на табурет рядом с ней. Мама прижимала его к себе и говорила на ухо: «Музыкант читает пальцами...», «Музыкант рассказывает пальцами свою жизнь...», «Музыкант дышит вместе с музыкой...»

— Положи пальцы сюда. И сюда. Вот так. Тихонько. И отпусти... Ты услышал? Ты почувствовал?

— Да, — шептал Кайл, слушая, как нота отзывается в нем.

— Теперь музыка живет в тебе.

— Да, мамочка.

Однажды мама сказала:

— Знаешь, Кайл, я думаю, что людям всегда была нужна музыка.

— Даже первым людям?

— Да, — рассмеялась мать. — Даже первым людям! Я уверена, что они научились извлекать приятные звуки, постукивая по стволам деревьев.

— Потому что они не знали, куда девать руки?

Она повторила своим странным голосом: «Они не знали, куда девать руки», потом быстро добавила:

— Потому что музыка обманывает скуку, и потому что она может сделать тебя счастливым.

— Но, мамочка, иногда твоя музыка грустная.

— Когда тебе грустно, она... она может остановить тебя... Она уносит тебя в мир, где...

Ее голос прервался, и Кайлу стало страшно.

— Где что, мамочка?

Она резко закрыла крышку фортепьяно. Кайл не любил, когда мама не заканчивала фразу и переставала играть. Он проследил, как она вернула на место салфетки и растение в горшке. Потом смахнула пыль с табурета, задвинула его под инструмент и сказала совершенно другим голосом:

— Идем. Твой отец скоро придет.

В такие дни мама шла на кухню, и маленький мальчик видел, что от ее легкости не осталось и следа. В ее руках, касавшихся разных предметов, больше не было нежности. Она нервничала и смотрела на свои часики. Потом бросала быстрый взгляд в окно. На часики. В окно. Кайл влезал на стул и пытался рассмотреть, за чем именно следит мамочка. Он видел только большой клен, протянувший свои ветви над их подъездной дорожкой. Может быть, мама видела что-то такое, что ее пугало? Может быть, она видела страшных мохнатых пауков?

— На что ты смотришь, мамочка?

Она не отвечала и шла накрывать на стол. Тарелки и стаканы ставились с максимальной точностью. Все должно быть красиво и безупречно. Когда мама не играла, она все время занималась хозяйством и меняла воду в цветах.

Каждый день. Мама говорила, как важно хорошо заботиться о вещах.

— Если у тебя есть растение или животное, ты должен быть с ним вежливым. Кормить его, говорить с ним, гладить его. Ты должен ласкать его. Ты должен говорить ему, что любишь его. — Потом она неожиданно поворачивалась к сыну. — Ты обещаешь, что всегда будешь вежливым мальчиком, Кайл?

— Но... я вежливый, мамочка. Разве нет?

Мать либо не отвечала ему, либо говорила так отстраненно, что он понимал: она обращается не к нему. Она уже где-то далеко. Она смотрела на часики, и сын не понимал, почему ей так страшно. И почему она днями напролет носит эти солнцезащитные очки, и почему не хочет выходить на улицу, хотя погода стоит хорошая. И почему его спальня была на верхнем этаже дома, тогда как спальня родителей была на первом...

Кайлу было только пять лет. В пять лет ты понимаешь какие-то вещи... Но не все.

В пять лет никто не должен входить в спальню мамочки, потому что она не проснулась, и никто не должен видеть темно-красное пятно на подушке. Прямо под ее волосами.

2

— Алло?

— Мамочка лежит, а подушка вся красная.

— Твоя мамочка спит?

— Я так не думаю.

Собеседнице Кайла показалось, что ее ударило током и разряд прошел от головы до ног. Джулия дос Сантос всегда боялась услышать эти слова. Она занималась своим делом уже более сорока пяти лет и каждый вечер, возвращаясь домой, повторяла как молитву: «Пока нет. И, надеюсь, никогда не произойдет», но с глухой и странной уверенностью в том, что это обязательно случится.

Это был последний день ее работы перед выходом на пенсию. Но... и на другой день, и во все следующие дни она будет слышать только голос этого маленького мальчика.

— Где ты живешь, малыш?

— В белом доме с розами.

— Где это?

— В Уиллингтоне.

— Ты знаешь название улицы? — спросила Джулия, мгновенно поворачиваясь к плану города.

— Нет.

— Из твоего дома видно церковь?

— Да. Из моей спальни.

Джулия красным фломастером обвела круг на плане Уиллингтона и попросила мальчика рассказать, что особенного есть на его улице.

— Гараж с разбитыми машинами.

Джулия поставила кончик фломастера на начало улицы Остин.

— Вижу. А твой дом, он какой по счету?

— Последний.

— Я знаю, где ты живешь, малыш. Как тебя зовут?

— Кайл Джен-кинс, — по слогам произнес он.

— Послушай меня, Кайл. В доме, кроме тебя, есть кто-нибудь еще?

— Нет. Только мамочка.

— Малыш, жди нас на крыльце. Никуда не уходи. Мы сейчас будем.

— А мамочка?

— Мы едем, малыш. Оставайся на улице.

Кайл не пошел на крыльцо ждать приезда службы спасения. Он спустился в спальню мамочки. Она не пошевелилась. Мальчик не слышал ее дыхания. Он понял, что она больше никогда не заговорит, и скоро ее опустят под землю, и он ее больше никогда не увидит. Поэтому Кайл вскарабкался к ней на кровать, поднял одеяло и положил голову ей на плечо. Возможно, она пела... Может быть, она счастлива там, куда ушла...

Через несколько минут он услышал сирены машин, затрещал гравий на подъездной дорожке. Захлопали дверцы, кто-то позвал его по имени. Звуки заняли его голову, и кто-то открыл дверь.

3

Берджинтон, пригород Лондона

Корин было пять лет, когда в доме появился Тимми. Ее мать уехала в роддом, и девочка вместе со своими четырьмя братьями ждала возвращения отца. Войдя в дом, отец сразу отослал приходящую няню и сказал голосом, которого Корин еще никогда у него не слышала:

— Еще не закончилось! Дело плохо, как я посмотрю! Ребята, не приставайте ко мне! Отправляйтесь в сад, а ты, Корин, принеси мне пива. Ох! Проклятые святые Схватки! Если бы ты только знала, как я волнуюсь за твою мать.

Мальчики удрали на улицу. Играть. И смеяться. И делать глупости. Пачкаться, как поросята, и веселиться, а ей оставалось только стоять и слушать, как ругается отец. Он сдвинул кастрюли и сковородки, а она подумала о матери и о святых Схватках.

Корин была единственной девочкой в семье Бентон. Поэтому именно ей следовало остаться в кухне. Корин считала это нормальным, потому что так поступала ее мать. Как нормальным было и то, что у нее становилось больше дел, когда мать, зима за зимой, уезжала в роддом. День за днем отец недобрый словом поминал святые Схватки, умолял святую Боль больше не мучить его супругу и заявлял, что его жена — их мать — просто «святая», когда она переступала порог с новорожденным, спеленатым, словно кровавая колбаса. Детям отец объявлял, что это их рождественский подарок. Старшие кричали, что отец над ними смеется, а Корин думала, что Санта-Клаус не посещает семьи с одиннадцатью детьми. Не потому, что они хуже других, а потому, что в его корзине не хватит места для десяти мальчиков и единственной девочки семьи Бентон. Какой бы вежливой она ни была!

Проходили годы, безысходно похожие друг на друга. Всё такие же хорошие оценки, вечный успех. Десять. Двенадцать. Четырнадцать зажженных свечек. Корин молилась святой Забывчивости, чтобы родители не помни-